

«ВОСТОК—ЗАПАД»

Прежде чем начать разговор о новой книге В. К. Чалояна «Восток—Запад»*, которая недавно вышла в свет в Москве, я хочу сделать небольшое отступление.

Автору этих строк довелось быть редактором другой книги В. К. Чалояна—«Армянский Ренессанс» (1963), выпущенной тем же издательством. Вскоре она была издана и на армянском языке, завоевав широкую известность в научном мире не только в нашей стране, но и за рубежом. Академик Н. И. Конрад в послесловии к русскому изданию «Армянского Ренессанса» справедливо отмечал, что труд В. К. Чалояна «следует приветствовать» не только за предоставление «ценного материала», но и за то, что он способствует уяснению «существа этой большой исторической проблемы». Думаю, что эти слова в равной мере относятся и к новой монографии доктора философских наук В. К. Чалояна «Восток—Запад».

Сама по себе проблема эта не нова, и она ставилась в различных аспектах—историческом, философском, литературоведческом и т. д. как в прошлом, так и в наши дни. Из последних работ следует назвать, например, известный сборник статей Н. И. Конрада «Запад и Восток» (М., 1966), где эта проблема решается в плане литературных связей и на материале, главным образом, литератур народов зарубежного Дальнего Востока (Япония, Китай).

Разумеется, книга В. К. Чалояна «Восток—Запад» в методологическом отношении соприкасается с названным трудом Н. И. Конрада, но она принципиально иного порядка. Во-первых, это—философское исследование, и, во-вторых, она охватывает страны Ближнего и Среднего Востока. В то же время книга В. К. Чалояна, наряду с философскими проблемами, затрагивает так или иначе и общие вопросы культуры—литературы, искусства и т. п. Вот почему она адресована не только к «узким» специалистам-историкам философии, но и вообще к историкам культуры.

И еще одно важное ее качество. Написанная о древности, она не замыкается в рамках этой древности. Проблемы, поставленные в ней, волнуют и сегодня научную общественность. Как верно определено в издательской аннотации, книга В. К. Чалояна «направлена против расизма, национализма и шовинизма в освещении истории философии». В этом ее актуальность и злободневность, познавательность и политическая значимость.

Четкие методологические позиции автора рецензируемой книги проявляются уже во «Введении», в котором рассматриваются проблемы преемственных связей в развитии истории и культуры народов Востока и Запада в изучаемый период. В. К. Чалоян исходит из верной посылки: «Идея развития неотделима от идеи преемственности. Развитие осуществляется только на основе преемственности, и рассматривать проблему преемственности немислимо без учета особенностей развития» (стр. 5). Здесь же автор дает краткий обзор различных концепций преемственной связи между Востоком и Западом, убедительно доказывает антиисторичность двух тенденций в этих вопросах—«европоцентристских» и «востокоцентристских». В. К. Чалоян показывает, какие изменения претерпевали они в буржуазной науке. Так, в частности, Гегель, несмотря на свое утверждение о «превосходстве» Запада над Востоком, вынужден был признать, что «благородная поэзия и свободная фантазия воспламенились у германцев на Востоке» (стр. 21). Вместе с тем В. К. Чалоян справедливо отвергает и нигилистическое отношение к пре-

* Член-корр. АН Армянской ССР В. К. Чалоян. Восток—Запад (преемственность в философии античного и средневекового общества), Изд-во «Наука», М., 1968 г., 222 стр.

емственности, к культурному наследию прошлого, а также проповедуемую современными расистами «концепцию замкнутой культуры».

Автор книги утверждает, что только марксистский подход позволяет верно решать проблемы преемственности, единства национального и всеобщего (интернационального), взаимообогащения различных культур и т. д. «История отдельных стран и народов,—заключает В. К. Чалоян,—является составной частью единой всеобщей истории. История как таковая принимает всемирный характер по мере интенсификации общения между странами и народами. Поэтому чем интенсивнее общение между нами, тем быстрее достижения отдельных народов становятся всеобщим достоянием» (стр. 42). Это особенно наглядно проявляется во взаимодействии культур народов СССР.

Ну, а как было в прошлом? Этому и посвящены две части книги В. К. Чалояна. Они написаны на основе обширного фактического материала, свидетельствующего о большой эрудиции автора, широте и глубине его научных поисков. Читатель почерпнет здесь немало любопытных сведений о преемственной связи в философии и культуре многочисленных народов Древнего Востока и Запада, в том числе и народов нашей страны—Закавказья и Средней Азии.

В первой части рассматривается период античного рабовладельческого общества. Нити тогдашних преемственных связей тянулись от Древнего Востока к Западу (Элладе—Греции), от Эллады к эллинизму (единому миру Эллады и Востока) и от эллинизма к Риму (Западу). Этот сложный комплекс взаимодействия культур раскрывается автором на конкретном материале, прежде всего, из истории философии народов, входивших в тогдашний мир Востока и Запада.

Синкретизм эллинистической культуры В. К. Чалоян объясняет наличием в ней элементов культуры и Востока, и Запада. Как показывает автор книги, философия эллинизма не была продуктом исключительно греческой действительности, поскольку эллинизм представлял обширный Восток и Элладу в единстве. Больше того, многие философы эллинистического мира были выходцами с Востока, в частности основоположники стоицизма (Зенон—финикиец, Хризипп—из Киликии и др.).

В. К. Чалоян подчеркивает особую роль на эллинистическом Востоке Александрии, явившейся центром постоянной взаимосвязи между культурами народов Востока и Запада, в том числе и армян. Переходя к Риму, исследователь прослеживает, как, к примеру, философия стоицизма, возникшая на эллинистическом Востоке, проникла в Рим, где она была воспринята своеобразно, в соответствии с римской социально-политической действительностью.

Вторая часть книги В. К. Чалояна освещает проблему преемственности в философии средневекового феодального общества—на византийском Востоке и ирано-арабском Востоке.

Надо сказать, что история византийской культуры недостаточно пока изучена. Тем ценнее этот раздел в книге В. К. Чалояна.

Византия представляла огромный комплекс стран и народов, в котором, наряду с греками, над созданием культурных ценностей, трудились армяне, семиты, славяне, грузины и др. «Армяне, к примеру,—замечает В. К. Чалоян—имели на престоле Византии полтора десятка своих представителей. Двухлетнее правление македонской династии, представленной выходцами из армянской среды, ознаменовало собой самую блестящую эпоху в истории Византийской империи. Армяне занимали важнейшие командные посты в армии, блистали в науке и искусстве» (стр. 118).

В. К. Чалоян детально анализирует преемственность философии византийского Востока и Запада. Особо он останавливается на философии стран кавказско-византийской цивилизации, в частности армян и грузин, которые, восприняв отдельные идеи византийской философии, сами оказывали определенное влияние на философию Византии (например, армянский философ V—VI вв. Давид Непобедимый, труды которого оказали заметное воздействие на западную философию). Интересно также влияние павликянской ереси, родиной которой была Армения, на еретические учения Запада (в частности, в славянских странах, во Франции).

Подробно разбирается в книге и значение ирано-арабского культурного мира в развитии философии стран Запада, что вынужден был признать даже такой «европоцентрист», как Гегель. Но В. К. Чалоян рассматривает этот процесс как двухсторонний. Он находит и линию преемственности, идущую от греческой к ирано-арабской философии (от Запада к Востоку), затем от философии западноарабского мира (от Востока к Западу) и, наконец, от арабоязычного мира, взятого в целом, к странам Запада.

Такова в общих чертах картина преемственных связей в философии и культуре Востока и Запада, представленная в книге В. К. Чалояна. При этом автор не утверждает ни исключительности Востока, ни исключительности Запада. Оставаясь верным принципу строгого историзма, он подчеркивает, «что линия преемственности вела временами от Запада к Востоку, временами от Востока к Западу, что именно на основе такой преемственности осуществляется прогресс человечества и его культуры» (стр. 213). Этот общий вывод, к которому приходит ученый, убедительно подтвержден всем ходом изложения тщательно обследованного, повторяю, богатейшего фактического материала.

Сделаю всего лишь три замечания по книге В. К. Чалояна.

Первое. Во «Введении», где даются различные концепции о преемственной связи между Востоком и Западом, из поля зрения автора выпал целый этап в философии истории и культуры—революционно-демократический. Известны высказывания и суждения по этим вопросам Белинского, Герцена, Чернышевского, а также Микаэла Налбандяна. Последний этих вопросов касается в своей кандидатской диссертации, защищенной в 1860 г. в Петербургском университете. Несмотря на отдельные методологические ошибки, в ней имеются и верные положения об исторической роли культуры народов Ближнего и Среднего Востока в развитии цивилизации Запада. «Греция признается,—писал Налбандян,—что из Азии она заимствовала алфавит, оттуда к нам перешли числительные знаки, там зародились астрономия и земледелие, там возникли религиозные и философские учения, оттуда постоянно выходили мудрецы древнего мира; и Запад со времен еще Пифагора и Платона смотрит на Восток как на своего наставника...»

Об этих фактах пишет и В. К. Чалоян в своей книге. Так, на стр. 47—48 читаем: «Многие элементы культуры, в том числе фонетический алфавит, оказавший значительное влияние на духовную жизнь греков, были заимствованы у финикийцев... Сами греки не отрицали, что учились у восточных народов, что благодаря им проникли в божественные и человеческие тайны, не отрицали влияния философской мысли Древнего Востока на развитие своей философии... Фалес принес из Египта в Элладу не только материалистический принцип философии..., но также знания по геометрии и астрономии. Мировоззренческие принципы египтян послужили источником философии Пифагора... Платон сам пишет об армянском языке, о сыне Армении, о его пребывании в «потустороннем» мире, где оказалась его душа после смерти... Все это, быть может, и привело Платона к созданию учения о двух мирах» и т. д.

Я привел эти цитаты из диссертации М. Налбандяна и книги В. К. Чалояна, чтобы напомнить о том, что проблема «Восток—Запад» в прошлом занимала и армянских мыслителей, о чем следовало бы сказать.

Второе замечание. В. К. Чалоян прав, когда пишет, что «греческий мир—важнейший, но не единственный элемент единой и всеобщей культуры эллинизма» (стр. 57). Но необходимо было подчеркнуть, что эллинизм, как и в последующем византийская культура,—это главным образом «грекоязычная» цивилизация (точно также, как он говорит об «ираноязычной» и «арабоязычной» культурах).

И, наконец, третье замечание, связанное с предыдущим. В. К. Чалоян иногда, по моему, употребляет понятия «эллинистический мир» и «Восток» слишком расширительно в тех случаях, когда требуется обязательное ограничение того или иного народа, входящего в них. Это, в частности, касается того места, где речь идет о раннем периоде римской литературы (стр. 89). Известно, что она с самого начала своего возникновения испытала сильнейшее влияние только и только *греческой* литературы и никакой иной.

А в книге В. К. Чалояна конкретная греческая литература подменяется более общими понятиями—литература «эпохи эллинизма» и даже просто «Востока».

«...Памятники римской литературы и по форме и по содержанию,—сказано у него,—имитировали творения эпохи эллинизма.. Сами творцы римской литературы в начальный период ее развития являлись или выходцами из эллинистического мира (например, поэт Ливий Андроник), или большими знатоками и приверженцами этого мира (Квинт Энний и др.)». Но известно, что Ливий Андроник (III в. до н. э.) по происхождению был греком. Это он перевел на латинский язык «Одиссею» Гомера—первый в Европе перевод памятника художественной литературы с одного языка на другой. Ливий Андроник «имитировал» не вообще «творения эпохи эллинизма», а греческие комедии и трагедии (Менандра, Еврипида). Что же касается Квинта Энния, то и он, прекрасно владея греческим языком (он считал себя «вторым Гомером»), познакомил Рим с разными жанрами греческой литературы. То же самое можно сказать и о других ранних римских писателях (Гней Невий, Плавт, Теренций, Катон и др.).

Отмечая влияние «эллинистической идеологии» (индивидуализм, культ обособленной личности) на римскую литературу, В. К. Чалоян замечает: «Поскольку же на Востоке литература подобного рода уже была создана, то понятно, почему она должна была найти у римлян своих восторженных поклонников. Рим заимствовал у Востока также патетический стиль, изящность литературных форм, идиллию безмятежной уединенной жизни» (подчеркнуто мною.—С. Д.). И здесь следует уточнить. Речь идет не вообще о Востоке, а о восточных областях Римской империи с грекоязычной культурой и литературой. Именно у греческой литературы римская литература восприняла выше-названные качества. А в эпоху Возрождения, как указывал Ф. Энгельс, «в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир—греческая древность».

Как видим, все замечания редакционного порядка. Новая книга В. К. Чалояна «Восток—Запад», я уверен, как и его «Армянский Ренессанс», с интересом будет встречена не только в научных кругах, но и широкими читателями.

С. ДАРОНЯН